



Дмитрий Антонов

В петле времени

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Антонов

В петле времени

«Автор»

2026

Антонов Д.

В петле времени / Д. Антонов — «Автор», 2026

Десять тысячелетий спустя Евпатий, впитавший в разум архив древних, открывает портал — и ошибается. Вместо родного Камнегорска он оказывается в прошлом, в сердце Табашской Унии, в бастионе, где правят братья: пьяный и грубый Катуй Грозный, мудрый Темран и отважный Евпат. Здесь всё не так, как в летописях. Орда подземного мира уже у ворот, а Катуй заключил гибельный сговор с грот-магом Хозором. И хуже того — в бастион прибывает Обия, отданная братом, морским царём, в дар Катую ради спасения народа. Обия, которую Евпатий любит через тысячу лет и ради которой готов на всё. Могущественный волшебник Велизар предостерегает: любое вмешательство в ход истории может погубить будущее. Но может ли юный княжич стоять в стороне, когда любимую уводят на поругание, а под стенами крепости разворачивается орда в миллион бесов? История о выборе между чувством и долгом, о цене любви, способной переписать судьбы миров, и о том, что даже в петле времени сердце находит свою дорогу.

© Антонов Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Антонов

В петле времени

Любовные муки

10 дней до Купалы.

Даария.

Камнегорск.

Штаб лихоборцев.

— А! Заходи, заходи, Евпатий!

Сегодня утром, светоч Чудо-камня Алтуна казалась особенно приветливой. Возможно, это от скорого приезда мужа, знакомого Евпатию по охоте на Лихо, а именно: заместителя командующего оплота Восточный, воеводы – Алёши Камневола. Поэтому глава лихоборцев Камнегорска — Алтуна Камневол, расплывшись в чудной улыбке, светилась от счастья, зачитывая приказ о предоставлении Евпатию внеочередного двадцатидневного отпуска, по случаю назначенной на следующую декаду свадьбы.

Палаты Алтуны, разумеется, не великие, шагов на десять туда-сюда, стены украшены карандашными рисунками мальчонки — её сына Ардея. На всех изображён улыбающийся воевода Алёша, если припомнить, Евпатий таким его не видел.

Алтуна встала из-за стола, её приталенный длинный сарафан, цвета неба, поблёскивал серебрянным узорами Макоши.

—...и в свете Старых Богов, жалую старшему лихоборцу Руколому двадцатидневный отпуск, а также ратую за многие счастливые годы в новом крепком роду при дитятках! Да чтоб тридесать! — князь Святополк, владыка Камнегорска. — Услышал?

— Ага.

— Теперь дуй до Флаши. Женись, детей заделай. Без малых — жизнь не в жизнь.

— А почему у тебя один, Алтуна?

Она вернулась на жёсткое кресло.

— Времени не было. Нам обещали десять лет отпуска, но мужа вызвали на службу спустя три месяца после заключения мира с Лемурией, и отправили прямиком на строительство оплота Восточный, а меня, назначили сюда, после «Ночи исчезновения светлых». И напоминаю, если ты подзабыл, во время осады Камнегорска войсками скифов, за одну ночь были истреблены все светочи города, причём неизвестно, как и неизвестно кем. Остался лишь один — хранитель Семигор.

— И что, никто другой до сих пор не может разгадать эту загадку?

— Могут, наверное, если захотят. Некогда просто. Вот и тебя прислали в помощь. Второе лето ты тут, а уже ведьмака обезглавил, некроманта убил, воровской синдикат на свет вывел и пхазарского шпиона выловил. Вот и займись полностью этим делом, после свадьбы, разумеется, а пока мне нужно готовиться. Иди уже, — дуй отсюда!

Евпатий расплылся в широкой добродушной улыбке.

— Ну-ну, готовься. И носик припудрить не забудь!

Алтуна собиралась было заняться собой, исподволь поглядывая на отражение в зеркале, но услышав слова Евпатия, остановилась, придав себе образ строгой начальницы.

— Меньше слов, больше дела Руколом. Мне свериться со списком твоих неудач? Или просто напомнить, как ты потерял возможность возглавить орден ликвидаторов, причём потерял по собственной бездарности, да ещё и Сарioniу поединок продул. Надо же быть таким упрямым ослом, чтоб бросить поединок самому — Первому мечу Даарии! Поэтому, советую

тебе, больше делами руководствоваться и смотреть на несколько шагов вперёд. К тому же, муж мой приезжает не ко мне лично, а в составе делегации, глава которой некая берегиня по имени Обия. Я читала отчёты Олышана и знаю, вы знакомы.

— Обия будет здесь?!

Алтуна вновь поднялась со стула, упёрлась руками в стол и грозно приказала:

— Я вижу твои глаза под маской! Даже не думай к ней приближаться! Понял?! Это приказ!

— Ха! Интересно почему?!

— Потому что у тебя есть Флаша, а берегиня Обия — глава делегации, и я не хочу, чтобы твоими прошлогодними воспоминаниями развалил мне все переговоры. Мы её вызвали для помощи.

— И какой помощи, позволь спросить?

— Ну, раз тебе интересно: в истоках Реки без названия трагедия разлилась, воды обмелели кое-где, а в других местах разлились, уничтожая посеы, и всё это потому, что берегиня — хозяйка пропала, и река стала неуправляемой. А это и волнение Средиземного моря, и размывания опор «Единения» на Утёсе склонивших голову, да и размыв Великого разлома так же нельзя исключать. Хозяйка нужна таким мощным водам. Вот и хотим мы просить Обию взять под своё крыло Реку без названия. Мы уже канал готовы прорыть в обход Рифейских гор. Главное, чтоб Обия согласилась.

— Тогда удачи.

— И тебе Евпатий. Кстати, когда свадьба-то и где?

— Мы пришлём приглашения.

— Ясно. Я есть в списке?

Уходя, Евпатий остановился в дверном проходе, и с издёвкой произнёс:

— Мне нужно свериться со списком моих неудач, — после чего, увернувшись, от запущенного в голову кружки с чаем, плотно прикрыл дубовую дверь, и направился домой.

*

— Евпатыюшка! — Флаша обвила шею, страстно припала к губам, принявши целоваться. — Любимые глазки. Любимые ушки, Любимые...

— Ну, хватит уже! — вырвался Евпатий. — Что ты в самом деле. Не дети же.

— Раз не дети, то пошли в опочивальню, — Флаша хитро улыбнулась. — Я соскучилась.

— Другой разговор.

Евпатий плотно прикрыл вход в кабак и направился за Флашей на второй этаж.

*

Спустя час, раздался первый приветственный горн.

Делегация прибыла.

Надев портки, Евпатий вышел на балкон, оставив обнажённую Флашу одну.

— Ну как, едут?! — донёсся голос из спальни.

— Нет. Только горны.

— Увидишь, сразу скажи!

— Хорошо.

Флаша, как обычно, после Небесного деяния, лежала на спине, в кровати с поднятыми вверх ногами — ей посоветовал кто-то, будто так семя взойдёт обязательно, но уж как месяц минул, а циклы Флаши всё идут и идут, по три как обычно, а результата нет.

— Сегодня особенный день! Я уверена! Сегодня твоё семя взрастёт во мне! — она почесала мочку правого уха, где недавно сделала прокол для серьги.

Евпатий нахмурился — будто бы в этом было что-то, ну... он медленно присел на пуф и принялся наблюдать за толпами людей внизу по обеим сторонам Радужной улицы. Грянул туш, и врата города раскрылись. Евпатий привстал.

— Флаша, делегация едет. Если хочешь узреть гостей, надевай сарафан.

Флаша выбежала растрёпанной в домашнем сарафане, обняла сзади за плечи и стала ждать.

— Ой, это слоны что ли?

— Нет, — мамонты, а тот огромный, идущий следом, — Мастодронт.

— Какая прелесть! Где такие живут?

— В Гиперборее, разумеется, — улыбнулся Евпатий, — впрочем, как и исполинские мамонты и исполинские мастодонты.

— А они разве разные?

Шум толпы нарастал. Горожане высыпали на улицу и выкрикивали приветствия.

— Да, исполины крупнее в три раза.

Процессия размеренно приближалась, с высоты второго этажа, где находился балкон Евпатия, открывался прекрасный вид.

Конный ряд из пяти витязей в рубиново с серебром форме оплота Восточный несли широкое знамя, далее шли мамонты со знамёнами всех славных родов юга и после, со стягом Даарии, двигался мастодонт, осёдланный лично воеводой Камневолом.

— Ух! А что это у него между бивней! — воскликнула, взволнованная Флаша.

Евпатий пригляделся. Между двумя нижними, длинными бивнями циркулировала вода. Скованная магическими оковами она, круговоротом, неслась от бивня к бивню, поднимая волны а от туда ко-второму ряду коротких бивней и там, ровно посередине, в пене и брызгах, стоял водяной трон, а на нём...

— Обия... — заворожённый красотой, проговорил Евпатий.

— Обия? — вопросом, напомнила о себе Флаша, она ущипнула за правый бок больно, выводя Евпатия из грёз.

— Берегиня, — спохватился Евпатий, сообщив нейтральным голосом, — глава делегации.

Но от Флаши не укрылось его мечтательность.

— Фу...Какая она высокая и безупречная...Как кукла, без изъяна.

— Она живой человек! — несколько зло проговорил Евпат. — Да что ты знаешь вообще про неё?!

Флаша прильнула всем телом, словно защищаясь от вспышки внезапного гнева.

— Ничего не знаю. Только сердечко моё видит, как ты смотришь на неё. Разлучница она, пойдём в дом. Постель нас заждалась.

Толпа внизу неистовала. По мере приближения колонны, цветы, шапки, ленты взлетали ввысь, приветствуя дорогих гостей.

— Хорошо, — согласился Евпатий, — пошли.

И в этот момент, сидящий верхом мамонте горнист, он находился на одном уровне с балконом и был всего в пяти локтях, выдал приветственный туш.

Флаша подпрыгнула от неожиданности, глаза её на мгновение стали жёлтыми, потом она спряталась Евпатию за спину. Адреналин волной накрыл его, он не замечал ничего и никого вокруг, он смотрел только на Неё.

Мастодронт подступал.

— Пошли, — тянула в комнату Флаша. — Пошли же!

Брызги воды прилетели сверху, когда гигантское животное поравнялось с балконом, возвышаясь локтей на десять. Горнисты дали ещё один туш, и тут мастодонт остановился, затем подогнул передние ноги, встав на колени, и повернул голову так, что водный трон приблизился напротив балкона.

Евпатий замер.

Обия.

Дивные голубые глаза. Уста сахарные, руки нежные, волосы светлые, тело стройное и настолько желанное, что Евпатия вновь почувствовал, как из глубины души возвращается то трепетное чувство, которое он испытал при первой встрече, когда она улыбалась ему в чёрных песках Катуйской пустоши.

Это любовь?

Она нежно смотрела в ответ, в глазах печаль и тоска бездонная.

— Чево смотришь! — выскочив из-за спины, как-то визгливо крикнула Флаша. — Он мой! Слышишь?! Мой!!!

Она береглась от брызг, выставив вперёд фартук серебристый как щит и пряталась за ним.

Но Флашу никто не замечал.

Обия не отрываясь глядела на Евпатия, Евпатий не отрываясь смотрел на Обию, так продолжалось какое-то время пока Флаша чуть-ли не повисла на шее. Обия сделала коротки пасс рукой, отвернулась, спрятав наполненные слезами глаза.

Мастодонт поднялся и зашагал вверх по улице ко дворцу Камнегорска.

*

Утро следующего дня, наполненное грозowymi разрядами, встречало город ливневым дождём. Вставать не хотелось.

Флаша суежилась по хозяйству, готовя завтрак и помогала матери в кабаке, а Евпат сидел на кровати и точил Сумрак.

Обия.

Утончённая, высока, манящая своей теплотой, нежная, страстная, так хочется её обнять. Обнять, увезти далеко-далеко и защитить от всего мира. Она моя, первая моя. Но не единственная, если вспомнить все похождения, а ещё она была замужем.

Рука сорвалась.

Лезвие Сумрака пустило кровь.

Зажав порез, Евпатий поймал себя на мысли что злиться. И злится не просто так, а от одной только мысли, что кто-то мог обнимать его Обию и не только обнимать.

— Да как такое вообще могло быть?! Она моя!

Внизу кухонная утварь звенела житейским постоянством.

В белой рубахе, серых штанах, и даже забыв надеть сапоги, Евпатий перехватил Сумрак, вложил в заспинные ножны и выпрыгнул в окно.

Наполненные дождевыми потоками улицы Камнегорска казались пустынными.

Ноги несли его всё выше и выше по склону, шлёпая по лужам и скользя по гладкой мостовой. Дворец княжий сразу за углом, а там высокая белокаменная стена в двадцать локтей.

Охрана несла неусыпную службу.

— Блин. Даже маску не взял! — корил себя Евпатий, на инстинктах собравшись накинуть плащ хамелеон.

Делать нечего. Придав мышцам силу Лихо, Евпатий подпрыгнул, оказавшись на стене. Далее располагался сам дворец. Покои Обии ещё выше, на самом верху в царской опочивальне, куда ведёт балкон, а на нём... она...

Как следует разозлившись, Евпатий подпрыгнул ещё раз...

— Ай... — Обия отскочила от неожиданности.

Евпатий аккуратно перебрался через парапет и застыл, пытаясь отдышаться...

Она медлила лишь мгновение, нежная, ранимая, и вся такая... родная, а потом она резко приблизилась и когда Евпатий пришёл в себя, они лежали в опочивальне, прижавшись друг к другу, измождённые безудержной страстью, обессиленные, счастливые.

Поздним вечером он вернулся к Флаше. Она встречала обнажённой в кровати. Её густые чёрные волосы, на правом виске, тронула седина.

— Я ждала тебя, где ты был?

— Это... не важно.

Не желая разговаривать, Евпатий рухнул на кровать, отвернулся и уснул.

Следующий день прошёл в хлопотах по приготовлению торжеств. Завозился алкоголь, овощи и фрукты. Евпатий сходил на охоту, добыл оленя и вечером хандрил на балконе.

Флаша, будто почувствовала раздрай в его душе, держалась отстранённо, периодически предпринимая попытки затащить Евпатия в постель. Но всё бесполезно.

В дверь постучали.

— Кто? — раздражённо спросила Флаша.

— Это мы, — послышался голос её матушки.

— Мы спим!

— Мы, с твоим батюшкой, хотели поговорить с вами о дитятках. А када заведёте? Первозданность то твоя Евпату отдана! Пора по чести и дитяткам заводить.

— Не сейчас! — отмахнулась Флаша. — После свадьбы поговорим...

— А свадьба-то будет? Евпатышка не передумал?

— Не передумал! Уходите!

— Да, да, — поспешно согласились за дверью, — почивайте...

Евпатий встал, подошёл к столу и налил широкую братину крепкого вина.

Он выпил всё, потом налил ещё, и ещё и ещё...

*

Через открытую дверь балкона влетел гонец. Сделав круг над кроватью, он приземлился на стол, стоящий у дальней стены, сложил крылья и громко гаркнул.

Евпатий и ухом не повёл, после вчерашнего разговора с Флашей и её семьёй вставать не хотелось.

Евпатий напился крепко и сейчас, ранним утром, страдал от тяжёлого похмелья.

Гонец перелетел на кровать. Снова сложил крылья и медленно стал подниматься по одеялу, приближаясь к голове.

— Кыш, — отмахнулся Евпатий.

Гонец вспорхнул, уворачиваясь от руки, приземлился у лица раскрыл клюв и гаркнул пронзительно высоко. Стёкла в окнах треснули.

Пришлось открыть глаза.

Крылья грифона отливали рубином.

Алтуна.

Только в княжьей охране служат грифоны с алыми перьями.

Ну, надо же... у меня завтра свадьба!

Алтуна, отстань!

Нехотя, Евпатий потянулся к грифону. Тот сложил крылья и терпеливо ждал, когда человек вытащит из наспинной сумки свиток с посланием и чуть склонился. Когда это произошло, грифон расправил крылья и отлетел к столу, засунул голову в деревянную братину, где на дне оставалось пару глотков крепкого вина и стал пить.

Евпатий привстал, подложил подушку под спину и полусидя взломал сургучовую печать. Послание гласило:

— Евпатий, ты нужен в княжьем тереме — прибыл посланник морского царя. Вопрос срочный. Собирайся. Немедленно!

Ага, как-же. Евпатий закатил глаза и устало откинулся на деревянную спинку кровати.

Письмо в его руках пошло бордовым пламенем и испарилось, а пламя пробежало по рукам, потом перекинулось на тело и закончилось макушке да на кончиках пальцев ног. К этому моменту Евпатий был трезв.

Да, што-б её!

Пришлось встать, потом одеться, взять ножны с Сумраком и выйти во двор, когда он закрывал за собою дверь, гонец грифон лежал на боку и посапывал во хмели.

До терема рукой подать, и уже через десяток минут он стоял в зале приёма, на белом мраморном полу, в компании Алтуны, князя Святополка и ещё пару десятков человек.

По периметру зала у гранитных колонн расположились Лютые, их легко узнать по алым плащам с гербом наследного княжича. Алые щиты капли стояли на полу подле, как и длинные копыя.

— Градимир здесь? — удивлённым шепотом, из-за спины, спросил Евпатий Алтуну.

— Да.

Лютые громко стукнули копыями о мрамор, в этот миг ворота в зал отворились. Широко шагая, под возвешение глашатого, входили двое:

— Градимир Слович — наследник правящей династии Даарии сопровождает Ярола Бигга — верховного архимага Вингии, посла его сиятельства — всетекучиги, лазурного и радостного, хозяина морей доброты и океана радушия — царя Аслана.

Лютые принялись отбивать мелкую дробь.

Градмир и Ярол Бигг подошли к трону, синхронно остановившись у подножия. Градимир в обычной чёрной рубаше и тёмных штанах, подпоясан широким кожаным ремнём, а в ножнах, мать честна! Старый знакомый! Евпатий в мгновение узнал Первый меч. В рукояти из серой стали не каждый распознает знакомый стальной голубоватый блеск, кроме того, кто по праву держал его.

Ярол Бигг в сером плаще, такие носят маги Чудо-камня.

Святополк заговорил первым, было видно, как сильно он хочет спуститься и обнять любимого племянника, но правила этикета требовали величественности при встрече высокого посла.

— Здравствуйте. Добрым ли был ваш путь?

— Этикет лишний, — отмахнулся Ярол Бигг, — где она?

Евпатий снова наклонился к уху Алтуны и прошептал:

— О ком он?

— Ш-ш-ш, — только и сказала начальница.

— Вы в Даарии, — потемнел Святополк. — Не забываетесь, — словно отдалённые раскаты грома послышались вдалеке.

Ярол Бигг подогнул одну ногу, вторую поставил крестом, делая ироничней книксен и развёл руки в стороны.

— Так? — в голосе чувствовалось и напряжение, и вызов с высокомерием.

Градмир мрачнел, но стоял рядом с архимагом молча, как сопровождающий и не отходил от правил протокола приёма гостей.

— Или вот так? — меж пальцев архимага вспыхнули молнии.

Алтуна вмиг встала перед троном и выставила магический щит, Градимир взялся за рукоять меча. Лютые стукнули копыями об пол и вновь замерли.

— Где она? — сквозь зубы процедил Ярол Бигг. — Или мне напомнить, что вы нарушили Кон мироздания!

Святополк собирался было грозно встать с трона, как от неожиданности, сел назад.

— Какой Кон? — недоумение было искренним, он посмотрел на Градимира, выискивая подсказки, но племянник замер словно изваяние — Градимир лишь сопровождающий сегодня и долг требует только охранять посла.

Ярол Бигг заговорил громко и внятно, он цитировал отрывок древней былины:

....— и появился у земли Богрот-огненный

И молвил он, обращаясь к Перуну — брату могучему:
— Несправедливость творит сын твой Тарх — Свет белый усиливая,
Тьмы создания убивая, третируя.

— Без Тьмы нет Света могучего,
Без зла — добра границы размытые,
Не рушь Коны отцом Родом созданные,
Двух Изначальных в хранители назначь нонче-же!....

...Тарх же на Света сторону перешедшим,
Смертным мужем явился к Земле-Матушке,
И любой Изначальный кто сторону зла иль добра принявший
Дорогой Тарха в мир смертных направится...

Ярол Бигг умолк.
Заговорил Святополк:

— И как это относится к нам? Где мы нарушили Коны?

Алтуна молча стояла между князем и послом, щит её мерцал голубоватой дымкой, в зале наступила полная тишина.

— Берегиня Обия — дочь Тарха Светлого, говорят: замуж вышла за смертного. Это так?

— Да, — подтвердил Святополк. — За Катую Грозного.

— Мне нужна она.

Ярол Бигг широко расставил ноги, сжал кулаки, молнии угасли и в этот момент, из правого выхода на балюстраду, в зал вошла Обия.

Она словно плыла в своём длинном, до пола, белом сарафане, с высокого белого кокошника свисал длинный, отливающий ледяной синевой, шёлк. Пройдя мимо архимага и княжича, Обия остановилась перед Алтуной, закрыв её собою, потом повернулась и сказала:

— Вот я — Обия, дочь Тарха Светлого из рода Перунова.

Ярол Бигг сделал шаг вперёд, Градимир повторил, словно тень.

— Обия из рода Перуна, дочь Тарха и владычица воды, повелеваю тебе словом старшего брата твоего — царя Аслана, говорить мне быть без кривды.

Обия поклонилась.

— Принимаю волю брат моего старшего — царя Аслана.

Предчувствуя неладное, Евпатий напрягся, но пошевелиться не смог, Алтуна резко протянула к нему правую руку и сковала магией.

Ярол Бигг мельком взглянул на Евпатия, прищурился и повернувшись к Обии, громко произнёс:

— Обия из рода Перуна, ты мужняя жена?

— Да, — громко и отчётливо ответила она.

— Обия из рода Перуна, ты дала клятву любви и верности своему мужу?

— Да, — также твёрдо ответила Обия.

— Обия из рода Перуна, твой муж смертный?

— Да, — не колеблясь отвечала она.

Евпатий мысленно обратился к Алтуне:

— «Отпусти!»

— «Нет.»

— «Не отпустишь — уйду со службы!»

— «Тогда, дай слово, что не станешь вмешиваться... даёшь слово?»

Евпатий кивнул, и магическая хватка отступила.

— Обия из рода Перуна ты полюбила Катую-грозного?

— Нет.

Послышался всеобщий вздох неожиданности. Ярол Бигг сделал небольшую заминку, но продолжил твёрдо и громко:

— Обия из рода Перуна, ты бессмертна?

— Да...

Наступила пауза, Ярол Бигг склонил голову на бок, капюшон медленно сполз вниз. Его седые длинные волосы, схваченные сзади в хвост.

— Почему?

Обия молчала.

— Обия из рода Перуна, ты дала слово отвечать.

Губы её дрогнули.

«Моя милая,» — встрепенулся Евпатий.

Она на мгновение закрыла глаза, потом открыла.

— Я... не смогла сама переродиться в смертную. Я пыталась. Боги знают, я пыталась... — она замолчала.

— Поясни, — требовательно произнёс Ярол Бигг.

Обия немного помедлила, судорожно сглотнула и отвечала:

— Мой муж был смертельно ранен. Шёл штурм. Демоны обстреливали бастион шарами из раскалённой лавы, тучи стрел били по нам. Нижние уровни уже захватили бесы, они прорывались, мы не могли остановить навал. Муж исцелялся медленно и мог погибнуть при штурме, поэтому я отдала ему всю себя, без остатка, но в тот же миг Хозор заявил права на моё бессмертие по праву Первознания, несколько мигов назад он видел наш первый поцелуй. Моё бессмертие разделилось, большая часть спасла мужа и стала его частью, меньшая была в оковах у Хозора, я осталась без сил. И так продолжалось до момента, пока муж не освободил меня.

— Эта истина? — уточнил Ярол Бигг.

— Да, — ответила Обия. — Я была рада тому, что успела спасти мужа до того-как меня пленили. Когда темница Хозора рухнула, бессмертие вернулось и я снова стала той, кто есть сейчас.

Ярол Бигг усмехнулся.

— Бывает же...

Обия нахмурила брови и пристально вгляделась в лицо архимага.

— Ты был там! — воскликнула она, — ты видел! Я помню тебя! Молниемаг наёмник...

Ярик Биггрит!

Ярол Бигг усмехнулся снова.

— Яриком завали меня давным-давно. И я помню твоего мужа, — он снова усмехнулся.

Обия потупила взор и рассматривала мрамор под ногами. Ярол Бигг приблизился.

— Да, немногие переживали то, что довелось тебе, Обия. И случилось то, что случилось. Конны гласят: чему быть — того не миновать, и что не сбылось — того и не было... Ты в праве обладать своим бессмертием, ведь ваша клятва была давным-давно и её не было вовсе. Ты можешь сказать: «я не мужняя жена», и выйти во-о-он, — Ярол Бигг повернулся и указал на ворота в залу, — туда, вольной, бессмертной.

Обия не медлила не секунды.

— Нет, я — мужняя жена, принеся клятву верности, полюбившая и... смертная...

— Ты ведь сказала: не любила? Как это понимать?

Обия запнулась.

Ярол Бигг подошёл вплотную.

— Кривда была в твоих ответах?

Обия отрицательно покачала головой.

— Хорошо, — печально проговорил Ярол Бигг, он тяжело выдохнул и скинул с плеч серый балахон, его доспехи из белого золота сверкали в лучах восходящего солнца, на голове материализовался закрытый рогатый шлем, в руке появился посох. — Я трижды спрошу тебя и трижды жду истины. Два раза уже были. — Обия кивнула. — По Конам мироздания, ты Обия из рода Перуна, полюбила смертного мужа, стала ему женой и должна отдать бессмертие, полностью всё, без остатка, — Ярол Бигг мельком взглянул в сторону, где стоял Евпатий и стукнул посохом об пол, — но, понимая то, что случилось давным-давно, я вновь спрашиваю тебя — ты мужняя жена?

— Нет!!! — крикнул Евпатий. — Откажись, Обия! Катуй умер! Не нужно из-за него терять бессмертие!

«Замолчи! — грохотал в голове голос Алтуны».

Два лютых отделились от стены и зажали его щитами по бокам, третий подпёр сзади обездвижив. Евпатий попытался вытащить Сумрак, но тут из-за Ярала Бигга вышел Градимир и твёрдо повелел:

— Это не твой бой. Не твоё решение. Ты не вправе вмешиваться.

— Прикажи Лютым отпустить меня, Градимир, — Евпатий выходил из себя. — Она...

— Кто она? Кто она тебе?! — резко проговорил Градимир. — Отвечай! Иль напомнить тебе о твоей свадьбе завтра с другой?! А!?

Евпатий не стал молчать.

— Я... — но и сказать ничего не мог.

— Ты должен поступать как взрослый муж, Евпатий, — уже размеренней проговорил Градимир. — Мы рассматриваем не твоё мимолётное увлечение, а настоящую любовь, канувшую в Лету тысячу лет назад. Стой молча, раз уж приглашён, иначе запру в темницу.

Маска на лице Евпатия взмокла, он вынужден был подчиниться.

Когда все смолкли, Ярол Бигг заговорил вновь:

— Мы... ждём ответа... и помни: став смертной девой, родить должна ты первым-же летом от мужа своего — замужней девой, иначе водами станешь безмолвными, пеной речной в бесконечности времени, в неизвестности, на веки веков.

«Это приговор!!!! — мысленно закричал Евпатий. — Алтуна, останови это!!! Катую нет, Обия не сможет родить за год и умрёт! Она даже не любила ЕГО!!!!»

«Молчи, — послышался спокойный голос Алтуны».

Обия резко вскинула голову, громко и твёрдо произнесла:

— Я — мужняя жена.

По залу прошёл вздох разочарования.

— Нет!!!! — закричал Евпатий, голос его потонул в гомоне собравшихся.

— Да будет так! — громко возвестил Ярол Бигг.

Он величественно медленно стукнул посохом об мраморный пол дважды и в том месте, где древо коснулось камень, принялся подыматься белый вихрь.

Он рос и ширился неумолимой неизбежностью приближаясь к Обии, когда вихрь подошёл вплотную, то поглотил её полностью и свет. Лучи белого света прорывались сквозь темнеющий на глазах вихрь, а потом пришёл крик.

И тут Евпатий рванул к ней, он разметал лютых будто детей малых и кинулся на выручку, но Градимир был быстрее. Княжич оттолкнул Евпатия назад в руки подоспевших лютых. Свалка быстро закончилась и Евпатия связали по рукам и ногам, а в это время крик Обии резко оборвался, вихрь рассеялся.

Она стояла с поникшей головой.

Евпатий, прижатый к полу тремя лютыми, с болью смотрел на неё. Она плакала, одна, одинокой, забытой...

— Теперь ты смертна, Обия из рода Перуна. — Ярл Бигг стукнул посохом, развернулся и быстро за шагнул прочь, его золотой плащ неспешая, развивался. У дверей Ярл Бигг остановился, обернулся в пол оборота и произнёс: — поздравляю! — потом Ярл Бигг исчез.

*

Комната заседаний находилась точно за каменным тронем. После того как архимаг исчез, Святополк приказал Обии, Алтуне, Евпатию и Градимиру проследовать за ним.

Три масляные лампы на стенах и круглый стол по средине на одиннадцать персон.

— Прошу садиться, — тоном, не терпящим возражений, проговорил Святополк.

Он занял центр стола, Градимир сел справа на соседний стул, Алтуна села рядом с Обией слева, а Евпатию приказала расположиться напротив, на другой стороне, одному.

Двое лютых встали у входа и плотно затворили дверь, потом сняли шлем маски. Лютыми оказались Андрей Молчун, никто иной как сотник Лютой сотни и старый знакомый эльф Морнеон — сын Оберона, короля лесных эльфов.

Осмотрев их, Святополк решил: эти воины заслуживают полного доверия, кивнул и посмотрев на Евпатию, сказал:

— Маски прочь.

Евпатий, нехотя, подчинился.

Он стащил насквозь мокрую от пота чёрную как смоль маску и положил на стол.

Святополк чертыхнулся.

— Я предупреждал, — тихо сказал ему Градимир и спрятал улыбку.

Алтуна приподняла бровь, а лютые как-то сильнее встали по стойке «смирно».

Лишь Обия не подняла взгляда, она смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и молчала.

— Сильно похож? — с вызовом, спросил Евпатий князя Святополка.

— На Волибора? Вообще не похож, волосы белые, нос сломан, глаза... но мы сейчас не об этом. Обия, — Святополк повернулся к ней, — зачем? Евпатий прав: Катуй умер и клятвы утекли с рекой времени вдаль, ты свободна от обетов, давших когда-то.

— Нет, — она всхлипнула, — клятва мною дана, когда я впервые познала усладу с моим мужем. Поэтому совсем не важно, когда это случилось, главное — это случилось.

Она заплакала. Сердце Евпатия разрывалось на части, он встал обогнул стол подошёл к Обии взял её за руку и сел рядом. Никто не посмел его остановить.

Он дал Обии платок, она вытерла слёзы, его близость несколько успокаивала.

Градимира заговорил очень мягко:

— Обия, ты хорошо слышала слова архимага о детях, что ежели за лето не понесёшь то водами безмолвными станешь.

Она быстро закивала.

— И как поступишь?

Обия пожала плечами.

— Мы не хотим тебя потерять, мы можем помочь, ты ведь понимаешь? — последние слова Градимир как будто сильно подчёркивал.

— А как быть с Рекой без названия? — вступил в разговор Святополк. — Мы хотели попросить тебя успокоить реку. Взять её под свой контроль. Канал прорыть до тебя.

Обия ещё раз всхлипнула и отвечала:

— Почему вы решили будто у неё нет имени?

Святополк пожал плечами.

— Так ить без названия она и есть.

— Это не так, — всхлипывая проговорила Обия, — Её зовут Тиш, сестра младшая. Гостит она в Эленгеле у владыки Рикоруса.

— Хмм, — Святополк задумался а Градимир обратился к Алтуне.

— Алтуна, ты можешь связаться с владыкой Рикорусом?

— Конечно, сейчас?

— Да, будь любезна.

— Хорошо, княжич.

Алтуна прочитала заклинание и в дымке над столом показалось видение. Рикорус мчал куда-то на велизарном жеребце.

— Ого! — только и сказал он.

— Здравствуй долгие лета, владыка Рикорус, — с почтением проговорил князь Святополк, — есть дюже важное дело до тебя.

— Так к тебе и мчу, в Камнегорск. Через пять дней Купалы ночь, на горе Кудыкиной забил родник ещё прошлым летом, когда Евпатий некроманта одолел. Нонче тысячелетие новое, родник-то тот Вещий получается, стало-быть кто венки в его воды опустил и с горки спустит тому заветное желание исполнится, вот к тебе и прибывает великий князь, уж чего он надумал — мне не ведомо, но поспеть хочу к приезду первым.

— Брат приезжает?

— А-то как же. Приезжает и точка. Со всей свитой, с Ладой и Радогором, Олегом, Ярополком и Твердиславом. Твой старшой, кстати, из Кеси спешит, с супружницей своей. К вечеру, завтра, вся честная компания прибудет. Обещалась.

— Хорошо. Неожиданно, конечно. — Святополк потерял усы и продолжил.

— Ты что не рад?!

— Рад, конечно, но...

— Ай, брось ты, — отмахнулся Рикорус. — Это семейный визит. Святослав хотел сделать тебе сюрприз. А знаешь почему? — Святополк отрицательно покачал головой. — Жинка Твердислава, Виана, узнала про древний обычай наш — запускать венки в ночь Купалы и ежели венки тот поплывёт — стало-быть любовь их все невзгоды преодолеет. А так как она чужестранка, да тем более мать мятежного лорда, вот и решила всё чин-чинарём сделать — по нашим обычаям. А тут родник Вещий, как не провести обряд?

— Да, наверное, — просветлел Святополк.

— Но, вижу не за то ты хотел со мною потолковать, верно?

— Да, владыка. Это так, но сейчас... брат приезжает, сын с женою, — Святополк нахмурился ещё сильнее.

Рикорус широко улыбнулся:

— Давай так: приезд семьи и твои приготовления к этому, отсрочь на час, и в течение этого часа спокойно заверши дело, по которому ты связался со мною.

— Да, — твёрдо кивнув самому себе, Святополк начал, — Я вот чего хотел спросить: Река без названия вышла из берегов, под Луггродом поля затопила, у Утёса склонивших голову волны бушуют в великаний рост, а Росток вообще потерял порт — его течением смыло.

Рикорус кивал на каждом слове.

— Да, да, да. Возможно. Тиш — хозяйка реки, у меня гостит и назад не скоро явится.

— Почему?

— Берегини ещё те гости, придут и не выгонишь, — Рикорус громко засмеялся.

— Как быть?

— Попросить другую берегиню присмотреть за рекою пока Тиш гостит у меня.

— Мы так и хотели. Пригласили Обию а тут...

Рикорус повернул голову и внимательно посмотрел на берегиню. Она безмолвно плакала, слёзы лились, и Рикорус спросил:

— Обия, дочка, ты смертна?

Она кивнула.

— Давно?

— Меньше часа, — ответил князь.

— Хорошо, — удовлетворённо проговорил Рикорус. — Хорошо.

Святополк нахмурился. Обия вновь заплакала, Евпатий поджал губы.

Градмир заговорил, пока все непонимающе молчали.

— Клятва всегда клятва, да? Рикорус?

— Верно, мой мальчик. Верно. Есть ещё вопросы?

— Нет, владыка.

— Тогда я поскакал дальше.

— Доброго пути. Ждём завтра.

— Лады, — Рикорус махнул рукой и видение исчезло.

— Ну, не судьба, — Градмир развёл руки в стороны.

— Не понял, — нахмурил бровь Святополк.

— Да я про несбыточные ожидания, дядя. Порою, мы ждём от людей большего чем они могут дать на самом деле, а порою — слишком малого.

— К примеру.

Градмир встал и обошёл стол, подойдя к лютым.

— Вот, к примеру Морнэон, он сын царя, а не царевич. Он воин лютой сотни и ничего более не желает. Почему? Потому что долг. — Градмир приблизился к столу. — Или взять Алтуну, героиня сопротивления Лемурии, воительница подземелий острога Сич, жена Алёши Новэйского, мать, а счастья нет. Почему? Потому что долг.

Алтуна потупила взор.

— Мой брат, — Градмир указал на Евпатия, — у нас одна мать, один отец, одна кровь, но мы не братья. Почему?

Святополк ответил:

— Потому-что долг?

— Нет, дядя, потому что у него долг перед другой семьёй и этот долг тяготит и обременяет его.

Евпатий усмехнулся.

— Он считает, что поступает по-совести, и от того идёт против своего сердца.

— Руколомы также моя семья, — проговорил Евпатий.

— Да, — Градмир сделал паузу, облокотился руками о стол, подавшись чуть вперёд, — это так, брат. Только я не о твоей второй матушке или отце, я о твоём мнимом долге Флаше и её семье.

— Чего?!!

— Главное, брат, чувствовать своё сердце, — Градмир отстранился и встал с широко расставленными ногами, он прямо наслаждался, называя Евпатия братом. Наконец-то. — Ты — княжич, брат, хочешь того ты или нет, поэтому я, или дядя Святополк, мы можем запретить тебе жениться на простолюдинке. Или так мы скажем всем остальным.

Обия продолжала смотреть на свои руки в руках Евпатия, она забыла дышать. Если Словичи так сделают, то... — то что? Евпатий отринет свои клятвы ради неё, но тогда будет ли он достойным? Да, он подарит ей дитя. Да, он спасёт ей жизнь. Да, будет любить её, но...

Наступила недолгая пауза и тихий, но твёрдый голос Евпатия сообщил:

— Безчестие — всегда безчестие, как его не назови. Я взял первозданность Флаши, мой долг жениться на ней.

Градмир выразительно посмотрел на дядю Святополка и пожал плечами.

— Дядя, — Евпатий обратился к князю, — предложение о проведении свадьбы во дворце всё ещё в силе?

Святополк кивнул.

— Небесные палаты уже готовят. Мы все держим слово.

Обия вздрогнула подняла взгляд и посмотрела в глаза Евпатия:

— У меня отобрали бессмертие, но не силу, — потом она повернулась к князю. — Я умирю воды моей сестры, у нас один исток. — Она немного помедлила и добавила, повернувшись к Евпатию, — как и у вас, у тебя и твоего единокровного брата Градимира. Раньше я не видела истоки людей, но теперь, когда сама стала человеком, я вижу...

Евпатий тяжело вздохнул.

— Наше слово крепко, — он с болью и тоскою отпустил руки Обии, потом встал и быстро направился к выходу. В дверях он остановился: — свадьба завтра, жду всех без исключения. Всех.

*

— Он точно будет на свадьбе?

Флаша тысячу пятый раз спрашивала о Рикорусе. Теперь она стояла подле выхода на балкон и смотрела на уличные огни. Фонарь загорелся жёлтой магией, когда городской хранитель метнул в него магической искрой из посоха.

— И он и вправду такой сильный маг?

— Конечно, — хмыкнул Евпатий, — он — триумвиарий, как иначе-то. Они сильнейшие маги на земле. — Евпатий увидел, как зажегся фонарь перед балконом прищурился от яркого света, а потом вообще закрыл глаза. — Семигор чего-то сегодня припозднился...

— Да. Да. Хранитель Семигор, — задумчиво проговорила Флаша, — единственный кто остался в живых, в ночь истребления светочей.

— Ага, — не желая продолжать разговор, крикнул Евпатий и отвернулся от окна. — Видать, силён Светом он, раз злодеи не смогли с ним справиться...

— Ага, — передразнила она Евпатия, в её голосе проскользнуло недовольство. — Семигор стар и пахнет мочой. Он вчера заходил к нам в кабак. Старый. Сморщенный. — она повернулась, Евпатий мирно посапывал во сне, — и да, сильный Светом... — потом она тихо прошла мимо кровати и беззвучно выскользнула из комнаты.

*

Свет разгонял тьму.

Фонари зажигались один за другим.

Узкие улочки старого города освещались золотым — магическим светом.

Злу не укрыться.

Вчера прибыла берегиня, сегодня приехал сам наследный княжич Градимир и Камнегорск кишмя кишит некроборцами, гротостражами и змееловами. Не хватает только драконологов.

Сто шестьдесят лет он хранитель Камнегорска и лишь единожды злу удалось прорваться в город, натворив жутких дел.

Тогда, могучее зло истребило всех светочей в городе, тушило фонари, и Тьма следовала за ним. Светочи пали — один за другим, когда настала его очередь он зажжёт фонарь и не дал ему погаснуть. Он бил и бил по фонарю искрами магии, всеми теми каплями эфира что были ему доступны, и Тьма не смогла подступить. Она окружала, роилась и громоздилась, наступала и теснила Свет, но подойти не смогла.

Он оставался в кругу света, это и спасло его, а когда подступила заря — Тьма растворилась в уходящей ночи.

Но она всё ещё здесь. В городе. Сильная и безжалостная.

Ликвидатор убил в прошлом году какого-то некроманта, но точно не её. Она выжидает, копит силы, готовится.

Он чувствовал её.

Даже пытался отыскать, но она всегда ускользала, невидимой, еле зримой дымкой.

Светочи пытались искать. Многие пытались. В итоге решили: это бредни старика и прекратили поиски, но Она здесь, ждёт и точит острые когти готовясь вкусить людскую плоть.

Да.

Она здесь.

Он знал это. Знал о магическом — спасительном свете его фонарей, которые берегут невинные жизни каждую ночь, и каждую ночь, пока он — хранитель Семигор стоит на страже, Свет побеждает Тьму.

Он зажёл фонари на центральной Радужной улице и свернул на Берестовую, тоже широкую и светлую улицу, пройдя и зажигая фонари до самых западных врат, он вернулся немного назад, пройдя десять палат в горку. Там, меж палатами кузнеца Орыги и кормчего Гаюна шла ма-а-аленькая но длинная улица Змеевка, ведущая к ныне закрытой горно-рудной артели Вещун-камень.

Фонари тут старые, огневище крепилось под широкими чашами с зеркальной внутренней поверхностью. Высокие стены палат из серого камня, добытого в горе Кудыкиной и окрестностях, нависали над улочкой и закрывали собою небо.

Редкие витрины мясных и торговых лавок светились внутренними свечами, выше на втором и следующих этажах, окон не было.

Пройдя до артели, Семигор оказался на круглой площади Камнедобытчиков.

Двадцать шагов в поперечнике, вымощенная гранитом, площадь местами покрыта лужами. Он последовательно зажёл все семь фонарей по периметру. Посреди площади находился заросший цветами фонтан. В центре фигура древнего волшебника — Кладезя, держащего над собою факел с золотым огнём.

По задумке архитектора, вода била из факела и широким зонтом сливалась вниз в чашу, где теперь мирно рос огнецвет.

Он присел на обрамление.

Всё. Закончил. Можно идти спать.

Здание артели обветшало, камень зарос выюном, широкие ворота, обрамлённые железом — покрылись пятнами ржавчины. Окна заперты на тяжёлые замки, а с левого боку, неприметный, спрятавшийся за аркой из выюна, тупик.

— Странно, не помню, чтоб он здесь был...

Семигор прищурился, глядя в сгущающуюся темноту.

Восемь фонарей до каменной стены.

Он встал, переступил лужицу, приподняв полог серого балахона, сандалия шлёпнула по воде.

— Незадача, — проворчал он.

Раздвинув выющиеся вниз побеги словно плотный полог, Семигор вошёл в тупик.

Он стал последовательно разжигать золотое пламя. Искры сыпались из посоха и летели точно в чаши снизу под зеркальным колпаком, когда оставались два фонаря отблески пламени вырвали из мрака тёмную фигуру.

Женская статья молодела притягательностью, даже сквозь тёмную накидку она подчёркивала изящество. Незнакомка стояла незримой тенью в правом углу безымянного тупика.

— Иди сюда, милая, — крикнул ей Семигор. — Что-ж ты стоишь во мраке одинёшенька?

Она вышла на свет.

То, что он принял за накидку был серый вязаный платок, девица укуталась в него и будто бы дрожала. Невысокая, лет двадцати пяти, тёмные волосы и ярко выделяющаяся седая прядь на правом виске.

Руки его похолодели.

Странное чувство всколыхнулось где-то глубоко...

— Будь ты немного старше, то напомнила бы мне об одной ... — он немного замешкался, ему не хотелось при этом ребёнке произносить постылое слово.

— ...знакомой? — звенящим голосом, проговорила девица.

— Да, — он прищурился желая разглядеть, но лицо её словно в дымке. Он протёр глаза, поставив посох у стены в тупике. — Я знаю тебя! — воскликнул он, когда глаза сфокусировались на округлом лице и жёлто-зелёных глазах, — бывал у вас в кабаке!

Она усмехнулась. Моргнула и щёлкнула пальцами.

Из-за её спины волнами неудержимости хлынула Тьма. Словно мощь океана, неумолимые, гигантские и несокрушимые волны заполняли маленький, безымянный тупик.

Он увидел, ощутил.

Тёмная мощь, годами копившая силы в тишине и покое открылась.

Она заговорила:

— Я пришла за тобой... Семигор... — змеиный шёпот в голосе охлаждал душу.

Он непроизвольно отступил на шаг назад...

— Боги!

Сотни раз Семигор встречал её, тысячи, тьма тьмушая и не видел. Не чувствовал!

Не ощущал её мощи... Как?! Как она смогла таиться?!

Она читала его мысли и отвечала в такт своих шагов:

— Твой свет и запах мочи скрывали меня ото всех. Ты — слепец, хранил меня все эти годы.

Она шипела и медленно приближалась.

— Десять лет прошло.

Голос его надломился. Она слышала это, её движения приобрели кошачью грацию, она ступила ближе к правой стене и когтями поскребла камень.

Осыпалась пыль. Будто прах сотен светочей, павших от её рук в последнюю ночь войны со скифами...

Дрожь отступила. Семигор, медленно, но — верно овладевал своим телом и чувствами.

— Дева, чьё тело ты забрала, мертва?

— Прах истлел её давным-давно, — она усмехнулась и приблизилась всё ближе, уже в десяти шагах.

— Умно спрятаться в ребёнке. Расти вместе с её телом. Взрослеть и жить у всех на виду. Никто не будет искать тёмного в девочке.

— И я не овладел её телом, я стал ею...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.